

A man and a woman are the central figures. The woman is in the foreground, looking directly at the camera with a neutral expression. She has long, dark, wavy hair and is wearing a white, off-the-shoulder top. The man is positioned behind her, slightly to the right, with his arms crossed. He has a beard and is wearing a white button-down shirt. The background is a soft-focus interior with light-colored walls and furniture, creating a clean and bright atmosphere.

ЯНКА РАМ

Моя
МЛАДШАЯ ЖЕНА

ВОСТОЧНАЯ ГЕРОИНЯ И РУССКИЙ ГЕРОЙ

Янка Рам

Моя младшая жена

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67426031

Аннотация

Нравы восточных семей давно изменились? Это точно не про мою! Мой отец суров и консервативен. А как разгневанный отец может наказать непокорную, опозорившую его имя дочь? Правильно. Выдать замуж. Насильно. За русского, который, оказывается, уже женат! И теперь я – младшая, никому не нужная жена незнакомого мужчины, которому меня навязали. Я – никто...

– Как тебя зовут?

– Ляся. Ляйсан...

– Короче, Ляйсан, ты отправляешься в мой мир. Там мои правила. Ты должна эти правила усвоить. Первое – ты меня не бесишь.

– Что это значит?

– Никак не напоминаешь о своём наличии. Тебя нет! Поняла?

Содержит нецензурную брань

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	46
Глава 8	54
Глава 9	62
Глава 10	68
Глава 11	78
Глава 12	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Янка Рам

Моя младшая жена

Пролог

Из окна моей комнаты виден расцветающий сад и высокий трёхметровый забор. И если раньше я любовалась на сад, то теперь не свожу взгляда с забора.

Как мне сегодня выйти за него?

Телефон как раскалённый жжёт мою руку. Открываю свою переписку. На аватарке мой однокурсник Антон. Он красив как греческий бог Апполон – вьющиеся волосы, широкие плечи, лучащиеся лазурью глаза и белоснежная ласковая улыбка. А от запаха его парфюма я теряю сознание каждый раз, когда он проходит мимо.

Я глупая девочка... Он и я – это не вариант. Нас не выдадут за русских. Отдать за русского – равносильно выкинуть из семьи. Не вспомнят потом никогда. И никакой защиты твоим детям. Всё! Сотрут, словно и не было.

Антон...

Веду пальцем по экрану. Полгода он не замечал моего скромного присутствия на курсе. Я понимаю, почему. Русские девочки со своими откровенными нарядами и ярким макияжем всегда затмят с ног до головы укутанную в ткань

необщительную скромницу. А он... Он – первый красавец у нас на курсе, сын уважаемых родителей, успешный парень, мечта всех девочек. И появляется то с одной, то с другой... Но постоянной девушки нет. Мне с таким даже говорить нельзя. Отец осудит. Да и жених у меня уже есть. И свадьба назначена. Через полгода. Мы виделись несколько раз. Тёмный, суровый, религиозный, прячущий свой масляный взгляд за пренебрежением. Не хочу-у-у... Но разве с отцом поспоришь? Семья там уважаемая, его партнёры по бизнесу. Отец моего жениха часто бывает у нас дома. Мой старший брат жену из того рода взял. И меня, как старшую, хотят им отдать. Для укрепления родства.

А я, как наивная дурочка, сплю и каждый раз вижу во сне русского парня и на что-то всё-таки надеюсь. Иначе хоть топись!

А вчера... вчера вышло так, что мы оказались в паре по курсовому проекту. И он вдруг заметил меня. И так смотрел... Что кроме головокружения я ничего и не помню. Даже тему нашего курсового!

Смс (Антон): Привет, Лясь. Можно, заеду за тобой? Погуляем, в кино ходим.

И я едва сдерживаю рыдания. Потому что отец ни за что не отпустит!

Смс (Антон): Лясь... Я тебя обидел чем-то? Почему молчишь?

А как ответить??? Отец об этой переписке узнает – не

представляю, что будет!

Смс (Антон): Ляшенька... Поговори со мной...

Падаю на кровать, вжимаясь лицом в подушку, чтобы не услышали сёстры в соседней комнате, и рыдаю.

А осенью меня отдадут замуж, и ничего, кроме отвратительного мне мужа, я никогда не узнаю и не почувствую.

Не хочу-у-у...

– Дочка, – заглядывает мама. – Ляйсан?... Да ты что?!

Выдирает подушку из моих рук.

– Кто тебя обидел?

– Никто. Мне просто очень тоскливо. Можно мне немного погулять? Пожалуйста.

– Спроси брата. Если дел у него нет, прогуляйтесь недолго.

– Спасибо...

– Ужинать пойдём?

– Не хочу.

– Надо есть. Скоро свадьба. Мужчины любят, чтобы женщины в теле были, а ты тощая стала со своим университетом, смотреть не на что.

– Любят в теле – пусть на них и женятся!

Взгляд матери меняется с ласкового на строгий.

– Язык отрастила? Получишь за свой язык. Кто тебя учил мужчин осуждать?

– Прости, – всхлипываю я. – Вырвалось.

– Лучше бы из тебя молитва лишний раз вырвалась. Не

хочешь ужинать – помолись!

Уходит. И я молюсь: «Аллах... дай мне мужа русского... ласкового... тёплого... светлоглазого... с волнистыми красивыми волосами... защитника... чтобы любил...»

И, может быть, в первый раз моя молитва очень искренняя и настоящая. На разрыв души!

Глава 1

Позор (Ляйсан)

– Батур, – иду я с братом под руку, – почему ты не женишься?

Усмехается.

– Не хочу.

– Разве тебе женщина не нужна?

– Мы в России... Бери любую. Зачем жениться? На них и свои жениться не хотят.

– Но Аллах не велит так женщин использовать, – прищуриваюсь я гневно.

– Чужих Аллах нам простит, они всё равно уже все порченные, а своих я не порочу. Придёт время – женюсь.

– Это очень некрасиво, Батур. Двойные стандарты!

Разве русские девушки не страдают, когда их обманывают, бросают?

– Много тебя в твоём университете учат, я смотрю. Зачем споришь? Вообще, меньше на эту тему рот открывай. Твоё дело – твоя честь, а не чужая.

– Извини... – поджимаю губы.

Батур дерзкий, грубоватый. Мы погодки с ним. Росли вместе, дрались даже маленькие. И мне сложно принять его авторитет. Особенно, когда он такие вещи говорит.

Алишер, второй брат, не такой. Внимательный, рассудительный. Но уже женат. Не до меня ему теперь. Жена у него первенца носит. Счастье... И много забот.

Чувствую, как телефон снова вибрирует в сумочке. Но прочитать при брате не решаюсь. Вдруг, потребует мой телефон, проверить с кем переписываюсь? Но мне так страшно, что Антон обидится на меня из-за того, что я не отвечаю. Он же русский... не понимает!

У них всё можно. Девочки с парнями спят, и всё равно для них хорошие, замуж выходят, детей рожают. Иногда и второй раз выходят.

У нас – ничего нельзя! Наедине осталась – уже грязная! Хорошо, если замуж возьмёт. А нет... так другой потом вряд ли позарится. Не махать же ему потом окровавленной простыней перед всеми, честь жены доказывая? Всё равно найдутся те, кто осудит, напомним... У нас такие вещи до старости потом припоминают, шушукаются за спиной.

Дала поцеловать до свадьбы – значит, и другим позволяла! Распутная!

В глаза смотришь – мысли дерзкие, характер дурной. Опускай взгляд, не позорь отца.

Ничего нельзя!

Мне и не хочется ничего. Просто немного побыть рядом с Антоном. Он ласково со мной разговаривает, как никто другой. Не трогает, похабного не говорит.

Мы выходим к дороге. Батур недовольно оглядывается,

тихо ругаясь. Его машины нет.

– Что случилось?

– Парковаться здесь нельзя. Эвакуатор увёз. Всё ты со своими прогулками! – раздражённо.

Опускаю взгляд.

– Сейчас такси тебе вызову, домой поедешь. А я за машиной, перехвачу до штраф-стоянки.

Такси мне, маме и сёстрам вызывают особенное, то, где только женщины-водители. Нельзя с мужчинами... Из университета либо Батур забирает, либо отец, либо дядя.

А я мечтаю сдать на права и сама водить. Мечты... мечты... Русский муж бы позволил. Они своим женщинам многое разрешают. А отец никогда не позволит.

Брат усаживает меня в такси, называет женщине-водителю адрес и заранее расплачивается.

Когда мы едем через центр, мой телефон опять вибрирует в сумочке. Достāju. Несколько пропущенных от Антона.

Смс (Антон): Я в центре с друзьями. Буду очень рад, если ты приедешь. Буду ждать.

И потом...

Смс (Антон): Извини, Ляйсан, за навязчивость. Больше не напишу.

Ну вот! Обиделся!

Всё сжимается у меня внутри. Дрожащими пальцами набираю.

Смс (Ляйсан): Не могла ответить. Прости. Я в центре...

Возле театра, у фонтана.

– Притормозите, пожалуйста.

Трясусь, словно в постель к мужчине лечь собралась. Но я же только десять минуточек с ним поговорю и убегу! И всё! Никто не узнает!

Удаляю нашу переписку.

– Дождитесь меня, пожалуйста.

Вытаскиваю ещё пару купюр для водителя. Выхожу к фонтану, кутаясь в курточку. Вечерами ещё холодно. Шум воды смешивается с музыкой, звучащей с открытой веранды ближайшего ресторана.

Нервничая, поглядываю на часы. Десять минут прошло, а его всё нет.

Скажу, что пробка была. И ещё немного подожду.

Темнеет... Неоновые огни кружат голову... Мимо проходит толпа пьяных парней, оглядываются на меня. Пугливо отворачиваюсь, чтобы не провоцировать их внимание.

– Ляся... – неожиданно кто-то сжимает сзади мои плечи. – Замёрзла?...

Антон!

Дыхание в моих лёгких замирает.

Он разворачивает меня лицом к себе. И я, как немая, открываю и тут же закрываю рот.

Сказать, чтобы не касался?

Язык не поворачивается!

Его глаза блестят... Улыбка такая... блуждающая... И

пахнет от него спиртным.

– Я так рад, что ты приехала! Не ждал уже... Пойдём! С друзьями тебя познакомлю.

– Нет, – закусываю губу. – Я не могу. Мне домой надо.

Опускаю взгляд. Он сжимает мои кисти своими горячими.

Моё сердце оглушающе колотится.

– Десять минут. Потом отвезу.

– Нет! – испуганно отступаю. – Меня машина ждёт.

Хмурится.

– А зачем приехала-то тогда, Лясь?

Отпускает мои руки. Мне становится так стыдно и неловко... И лицо моё начинает гореть.

– Не знаю... – наивно и честно признаюсь я.

Делаю шаг назад. Ещё один. Мне хочется бежать со всех ног от его требовательного взгляда и скептически вздёрнутой брови. Я чувствую себя нелепо и ранено. Сглатываю ком в горле. Отворачиваюсь, чтобы уйти.

– Стой! Я знаю...

Он неожиданно подхватывает меня за талию. Резко разворачивает. Неоновые огни превращаются в полосы, басы ресторанной музыки долбят в моё тело. Теряю ориентацию. Его губы вжимаются в мои.

Поцелуй?!

В моих фантазиях меня кружило от удовольствия в этот момент, колени подкашивались, и это было очень нежно и проникновенно. Но происходящее сильно отличается от

фантазий. Колени подкашиваются, да. От ужаса. Внутренности сжимаются в комок. Его губы наглые и настойчивые, я сжимаю крепче свои, отталкивая его в плечи! Уворачиваюсь, пытаюсь отдышаться.

И чувствую я не восторг, а обиду...

Зачем он так сделал?! При людях! Сама, глупая, виновата! Дразнила мужчину, вот и получила. Чего я ещё ждала?!

Антон непонимающе смотрит мне в глаза.

– Ясно... – поджимает он губы. – Извини.

Отворачивается и быстрым шагом уходит.

А я стою и судорожно дышу. Чувствую себя голой под взглядами людей! Голова кружится.

– Здравствуй, Ляйсан.

Низкий голос, знакомый. Не сразу понимаю, чей. Но теперь ужас и стыд разъедают меня до боли. Разворачиваюсь и встречаюсь взглядом с... отцом моего жениха!

Мать говорила, что у них ресторан в центре... Этот?!

– Здравствуйте... – шепчу беззвучно, не смея поднять глаз.

– Как ты оказалась здесь одна?

– Я... – пожимаю убито плечами, – домой ехала...

– Не доехала? Присядь... Отцу твоему позвоню. Пусть заберёт.

– Не надо. Меня такси ждёт.

– Присядь! – рычит разъярённо. – Хочу с отцом твоим поговорить. Как так вышло, что невеста моего сына с другим

шляется!..

И мои ноги отнимаются... Пряча лицо в ладони, сажусь на скамейку.

Глава 2

Бизнес (Тимур)

– Мало купить этот гостиничный комплекс, Костя. Надо ещё и договориться с тем, кто держит этот бизнес, понимаешь? Иначе они будут демпинговать, пока я не улечу за пределы рентабельности. А потом растащат комплекс по частям за копейки.

С Костей мы давно сработались. Но, вообще-то, все Костины функции должен выполнять Ренат, мой младший брат. Потому что денег он «жрёт» немерено, а толку с него даже не ноль, а минус. Постоянно косячит.

– А кто держит этот бизнес?

– Нерусские. Сегодня у меня с ними очередная встреча. Вот, – показываю ему на телефоне несколько фоток. – Это Алихан Шахин. Лет десять в России уже с семьёй. Практически всё побережье, кроме этого комплекса, принадлежит ему. И прошлый хозяин продаёт свой комплекс именно из-за демпинга Шахина. У них конфликт. Шахин хочет этот комплекс купить гораздо дешевле, чем покупаю я. И унаследовать этот конфликт и демпинг я не хочу.

– И как ты собираешься договариваться?

– Понятия не имею. Но, возможно, мне удастся договориться на «крышу» Шахина под процент от прибыли. Тогда

он даст зарабатывать нормальные деньги. Где, мать его, Ренат с бабками?

Мне немного не хватает. И мы решили продать квартиру, в которой он жил. Она наша общая. Три часа, как брат должен был появиться после сделки. Все остальные деньги я уже вытащил отовсюду, откуда только было можно. Остались только дом и тачка. И очень надеюсь, всё пройдёт гладко. Ренат временами просто бестолковый баран!

– Тимур, курить будешь? – крутит сигарету Костя.

– Я бросил.

– Реально?

Очень на это надеюсь! Уровень моего нервняка просто зашкаливает. И я с ненавистью смотрю на его пальцы с зажатой сигаретой. Абстиненция аховая. Словно я истеричная тётка с гормональным сбоем. Кого порвать?

Отвожу глаза, сглатываю. Мне везде пахнет табаком или дымом. И это бесит ещё сильнее, не давая сосредоточиться.

– Фу, убери их, – рычу я. – Бесят...

– А что бросил-то?

– Не выношу зависимости.

– А зачем начинал?

– Как все. По глупости. На нервняках, когда разводился.

Потом втянулся...

– Тимур, – заглядывает Алла, – можно тебя?

– Не сейчас!

– А мне нужно сейчас! – капризно.

– Минуту.

Поджимаю губы, вдыхаю поглубже, чтобы не разнести её нахрен!

Алла – это мой личный памятник мужским беспонтовым левакам. Она разрушила мою семью. Вернее, разрушил я. Но причина – она. Увлёкся... И моя жена об этом узнала. Потом сотню раз пожалел о том, что допустил этот левак. Но ничего не исправишь... Катя давно замужем за другим, у них уже пара своих детей... собака... дача... и камин по вечерам. А у меня памятник... и дочка на три часа по воскресеньям. А у неё два папы. Тот тоже «папа». И я бешусь...

Но давно уже не хочу ничего вернуть. Наверное, всё же мы чем-то не подходили друг другу, раз меня так непреодолимо занесло налево. Не знаю... Всё время обсасываю внутри ту ситуацию. Она до сих пор гложет. Особенно из-за Марушки...

В постели у нас с Катей было прохладно, а вот по-человечески очень тепло. Теперь ровно наоборот. Постель моя согрета, а вот внутри пусто. Не заняла Алла там места. Увы. Но, может, уже никто и не займёт. Я стал циником... Наверное, меня это уже устраивает. Это зрелость? В мои тридцать пять самое время.

Нет, Алла, в целом, вполне ничего...

– Тимур!..

Встаю, выхожу к ней из кабинета. Открывает журнал, показывает мне два свадебных платья.

– Какое?

– Нет!

– Ты обещал!

– Я обещал, если будет залёт. Ты беременна?

– А может, я не хочу залёт до свадьбы?

– А я не вижу смысла регистрировать отношения без повода. Мы живём вместе четыре года. Ты уже жена. Что даст печать, кроме геморроя?

– Я хочу событие!

– Алла, отколись сейчас. Не до свадьбы мне. У меня сложный момент в бизнесе.

– Или другая тёлка? – мстительно. – Сутками тебя нет.

– Ты меня зачем сейчас провоцируешь?

– Я хочу свадьбу, – упрямо.

– Так... Собрала свои вещи и нарезала из моего дома.

– Ну вот... – обиженно. – А ещё женой называешь. Чуть что – пошла вон!

– Потому что не надо меня дёргать! Я и так весь издёргался. Я сказал как будет! Не устраивает – не держу. Устраивает – не прогоняю.

– Словно мстишь мне за эту свою Катю! Я и не знала о ней!

Ой, да знала ты всё. Но какой с тебя спрос, со «стрипухи»?

Танцует Алла теперь только для меня. Да и для меня уже не танцует. Приелось...

– Всё! Иди ужин приготовь.

– Я закажу.

– Нет. Приготовь. Хочу домашней еды. Что там?... Борщ, котлеты...

Чем можно женщину часа на четыре выключить? Достанет же! И выхватит. Ненавижу срываться!

– И салат. И кексы.

Недовольно фыркнув, уходит. Очень я сомневаюсь, что умеет она это всё готовить. А повара мне пока пришлось сократить из расходов. Но пусть попробует, хоть озаботится чем-то, кроме события. А то реально уже «памятник». Красивый, яркий, капризный, но почти бесполезный.

– Тимур, Ренат подъехал.

– Наконец-то!

Начинаю быстро собирать доки, бабки... Если я каким-то чудом договорюсь сейчас с Алиханом, надо сразу же ехать на сделку по комплексу.

Мой младший брат постоянно косячит. И я задолбался вытягивать его то из долгов, то из проблем с блатными, то из ментовки.

Заходит. Бросает сумку со своими вещами на пол. Договорились, что пока я кручу деньги с квартиры, он поживёт здесь. Дом у меня большой, надеюсь, разойдёмся.

– Что так долго? Давай деньги.

Он нервно оскаливается. Замираю. Что не так??

– Только треть суммы, брат. Извини... Хотел, как лучше...

– Чего?...

– Хотел по-быстрому крутануть в казино свою половину.

По пятницам мне везёт...

Кровь стучит мне в виски, заливая глаза.

– Ты проиграл мои бабки? – делаю к нему пару шагов.

– Свои. Ну и немножко твоих. Хотел отыграться.

От вспышки ярости тело обдаёт жаром. Кулаки сжимаются. Я, вообще-то, давно умею держать эти вспышки под контролем. Но сейчас не хочу. И молча всаживаю кулак ему в челюсть. Потом под дых. Со скрипом загибается.

– Ты в рабстве, сучонок, понял? В бесплатном рабстве. Пока я не решу, что отработал. И больше... никаких дел с тобой не будет. Влетишь – счастливого пути!

Присаживаюсь, забираю остатки денег. Пересчитываю. Не хватит. Нет, на покупку хватит. А на запуск и раскрутку нужно будет мутить кредит.

Трясёт так, что я почти срываюсь, и рука дёргается вытащить пачку из нагрудного кармана Рената. Но сдерживаюсь. Решил же – завязываю!

– Всё, Костя, я полетел. Присмотри здесь за ущербными.

– Ни пера, Тимур.

– К чёрту!

Глава 3

Приговор (Ляйсан)

Кое-как пережив бессонную ночь, иду к вернувшемуся из поездки отцу. Мама идёт сзади, чуть слышно причитая. Её глаза тоже заплаканы. Вчера, как с прокажённой, со мной никто в доме не говорил. Даже ужин не принесли.

Захожу в зал, не поднимая глаз.

Я хуже, чем голая... Стою перед отцом, закрыв руками лицо. Виноватая. И оправдаться мне нечем.

Хуже, чем изнасилованная... Потому что сама виновата!

Мама испуганно замерла сзади, не смея меня оправдывать. Она далеко у дверей, но я чувствую её присутствие.

Очень хочу надеть никаб! Всегда ненавидела его, считая пережитком, а теперь готова продать душу, чтобы закрыть лицо.

– Смотри на меня, – подходит отец.

Поднимаю глаза, слепо глядя перед собой. В горле спазм. Вдохнуть не могу. От удушья кружится голова. Размахивается... Моё лицо обжигает болью от пощёчины. От неожиданности падаю, не удержавшись на ногах. Подвернув кисть, на которую приземлилась, и отбив копчик о каменный пол.

Отец присаживается передо мной.

– Кто он? Имя, фамилия... Пусть ответит за то, что обес-

честил мою дочь и мой род.

Судорожно рыдаю в ужасе от того, что с Антоном могут что-то сделать.

– Я не знаю его... – выдыхаю я.

– Как ты там оказалась?

– Затошнило... укачало... в машине. Вышла подышать.

– Ты врёшь. Ещё раз соврёшь мне – я тебя придушу как блудливую кошку. Ещё раз спрашиваю – как ты там оказалась? Насильно он касался тебя или нет? Первый раз или нет? Ты спала с ним?

– Нет!!! – вскрикиваю я. – Первый... Не наказывай его отец. Он не понимает... не знает, какие у нас традиции. Он не хотел плохого! У них так принято. Я сама виновата... что прикоснулся...

Теперь мне конец. Подтягиваю колени и обнимаю их, пряча лицо.

– Откуда он взялся?

– Учёба...

– Ты общалась с ним?

– Курсовой у нас... на двоих. И всё! Клянусь! Ничего больше... До этого и не говорили даже!

– Ты слышала, Марика? – поднимается отец, обращаясь к маме. – Ты просила о том, чтобы она училась очно. «Светские традиции»! «Безопасно»! Что теперь уважаемые люди обо мне говорить будут?! Кто со мной дела вести станет? Стоило это того? Зачем ей теперь это образование? Овцам в

овчарне будет лекции читать?

– Прости, Алихан... – покаянно просит мама. – Моя вина...

– Убери её отсюда. Больше её нет. Подумай, в какой кёй подальше отправить. И в этом доме чтобы имени её больше не звучало. В харем пусть не возвращается, не порочит сестёр. Да и младшим урок будет.

– Алихан... Ляйсан невинна. Зачем так жестоко?

– Для кого невинна? Для людей, которые её с мужчиной видели? Что значит – невинна? Про что ты, Марика? Про её лоно? Рот? Или ещё какие отверстия? Девственность – это не чистота. Восстановить её три куруша стоит! Репутация – вот что важно. Её не восстановишь.

– Не отправляй её, умоляю! Она наивная девочка. Это моя вина, что не уберегла!

– Что прикажешь делать с ней?! Кто её возьмёт?? Даже предложить в невесты теперь позор! Может этот её «по учёбе»? – со злым скепсисом.

Всовывает мне в руки мой телефон.

– Звони ему! Пусть женится, отдам. Нет – уедешь в самый заброшенный кёй прислугой.

Как же звонить? Мы и не знакомы толком!

Растерянно смотрю на отца.

– Звони, я сказал.

Ослушаться невозможно!

Кручу телефон в трясущихся пальцах. Не о такой судьбе я

мечтала – прислугой... в деревне... Иногда фантазировала с Антоном сбежать. Только это всё фантазии! Зачем я ему? А как в этом мире женщины без мужчин выживают, я не знаю. А Антон... У них так не принято. Долго встречаются, потом только замуж.

– Звони! – рявкает отец. – Ставь на «громкую».

Нажимаю дозвон. Лицо пылает, во рту кровь.

– Да? – прохладно.

Совсем не так, как раньше со мной говорил.

– Привет... – хриплю я, не понимая, что должна сказать.

– Ну привет.

– Антон... ты можешь... забрать меня?

– Ты, Лясь, извини, но я выпил. За руль не сяду. Тебе лучше вызвать такси.

– Такси... А куда мне ехать?... – в прострации бормочу я.

Мы словно говорим на разных языках. Так униженно и раздавленно я не чувствовала себя никогда! Вот она – цена за поцелуй русского мужчины. Ничего для них женщина не стоит!

– Думаю – домой. Мы сегодня решили мужской компанией отдохнуть. Извини. Если захочешь, перезвони завтра.

Какая же я дура! Дура!!

Скидываю вызов и, как побитая собака, виновато поднимаю глаза на отца.

Он не смотрит на меня. Только на мать.

– Сегодня к вечеру чтобы её не было. Не решишь куда –

я сам решу.

Глава 4

Сделка (Тимур)

Дом Алихана расположен в конце пятикилометрового пляжа рядом с гостиницей для отдыхающих. Мы сидим на веранде ресторана этой гостиницы.

– Угощайся, Тимур. Для меня шеф готовил, всё по высшему классу. Барашек... плов... далма... чорба...

– Спасибо, Алихан.

Гостеприимство у них и правда на высоте.

– Что ты пьёшь?

Показывает широким жестом на бар.

– Спиртным не увлекаюсь. Да и за рулём. От чая не откажусь.

– Не пьёшь – хорошо. Ответственный человек. Я тоже не пью спиртного. Ты мне приятен, Тимур. И в другом, возможно, мы найдём с тобой общий язык. Но по комплексу... Пойми меня... Этот берег – залог процветания моей семьи. Моего рода. Я не могу отдать его постороннему. Всё, что здесь стоит – принадлежит мне, моим сыновьям, братьям, племянникам. Только своим. И «Жемчужину» мы заберём. У меня несколько дочерей, их надо тоже обеспечить. Их сыновья расширят наш бизнес. А если я его отдам чужим? Это не похозяйски. Что про меня люди скажут?

– Хозяин «Жемчужины» тебе её не продаст. Из принципа.

– Продаст. Год, два, три поработает в убыток и продаст.

– Но ведь и ты теряешь деньги, занижая цены по побережью.

– У меня много денег. Моей семье сейчас хватает. А «Жемчужина» приумножит их в будущем, когда внуки пойдут.

– Мы можем сделать по-другому, Алихан. Ты дашь мне её выкупить, а я буду отдавать тебе процент с прибыли. К тому же, смысл в демпинге пропадёт, ты сможешь поднять цены. В итоге твоя прибыль возрастет в два раза. Это очень разумно. Подумай.

– Разумно оставить «Жемчужину» для своих, – отрицательно качает головой Алихан.

Упертый! Тогда мой последний козырь. Очень плохой расклад, но всё ещё терпимый.

– Давай так. Я оберну бабки в два раза и перепродам её тебе.

Хотя бы не в убыток!

– А где гарантии, Тимур?

– Ну какие могут быть гарантии, кроме моего слова?

Мне очень важна эта сделка. Я каждый день теряю вынужденные активы на упущенной прибыли. И сейчас не вижу никакой альтернативы для выгодного вложения.

– Алихан, твои сыновья уже имеют долю. А дочерей ты всё равно выдашь за чужих. Из чужого рода. Так какая разница?

– Их дети – мои внуки. Они будут обеспечены. Этого мне достаточно.

– Но никто же не может гарантировать, что их мужья не пустят бизнес по ветру. Что не переписут свои доли на других людей.

– В нашем мире за такое наказывают, Тимур. Так не делается.

– И тем не менее. Иногда чужие более надёжные партнёры, чем свои. Зачем терять прибыль? А я буду поддерживать твою ценовую политику. Давай договоримся на откат? Двадцать процентов...

– Я дам зарабатывать на «Жемчужине» только родне, Тимур. Почему не кушаешь? Угощайся... Не обижай хозяина.

К нам присоединяются его сыновья. И мы обедаем, разговаривая на нейтральные темы. Но я опять свожу разговор к «Жемчужине».

– Алихан, – ещё раз пытаюсь вразумить его. – Просто посчитай суммы, которые ты теряешь при демпинге.

– Отец, – его младший сын. – Суммы, и правда, немалые. Тот бросает на него строгий взгляд.

– Ну что ты упёрся в этот комплекс? – добродушно усмеяется Алихан.

Потому что мне нужно вложить бабки перед сезоном! И здесь это только гостиничный бизнес. И других предложений, которые я потяну, по побережью нет. Это – единственное. И оно ещё не оторвано с руками только из-за демпинга.

Никто не хочет связываться с Шахином.

– Да я ж уже почти родной, Алихан, – улыбаюсь я. – Давай ещё подумаем?

Его старший сын наклоняется к отцу, что-то говоря на их языке. Алихан становится темнее тучи. И я нервно допиваю свой чай.

Всё?... Конец радушию? Зависая взглядом на море, подсчитываю убытки до следующего сезона. Проценты и страховку по взятому кредиту. Плюс проигранные Ренатом деньги. Я конкретно угорел на бабки. Мне их не поднять ещё лет пять. И то... Я так рассчитывал на эту «Жемчужину», что поставил на кон всё! Но если не рисковать, никогда не поднимешься!

Желваки мои сжимаются. Меня ломает от никотиновой абстиненции на фоне этих нервняков, одно усугубляет второе.

Сигарету бы... Губы немеют, по телу словно неуёмный зуд, больше напоминающий ломоту. Стираю со лба испариину. Сжимаю пальцы в кулак и щёлкаю суставами.

Всё бесит.

В телефоне несколько истеричных смс от Аллы. Ренат уехал на её тачке. А тачку должны были забрать на техосмотр. Надо деньги перевести...

Задолбали! Бесят!

Как я буду содержать весь этот шалман, даже не представляю!

Смс от бывшей – дочке нужны брекеты, новый велосипед и оплатить гимназию на будущий год. Это тоже дохрена! Но Маруська – это святое. Это вообще без вопросов.

Хозяин «Жемчужины» через три часа ждёт меня в палате на оформление продажи комплекса. Если сделка сорвётся...

Я десять лет жизни убил, чтобы сколотить нужную сумму и шагнуть. А теперь каждый день она тает на глазах! Ещё и в кредит влез из-за братца-недоумка.

– Тимур, тебе действительно так нужна эта гостиница?

– Очень.

– А ты женат?

– Мм... Нет.

Его настроение резко меняется. Алихан словно включается в ситуацию, заинтересованно глядя на меня.

– Это хорошо. Возможно, мы и договоримся.

– Открыт к любым предложениям! – оживаю я.

– Мне не нужен откат от тебя. Дам добро и поддержку твой заход в этот бизнес. Покупай её! Но...

Моё горло сводит, руки ищут в кармане пиджака пачку, которой там нет. Потому что начало такое, словно дальше с меня запросят бессмертную душу как минимум.

Да собственно, хрен бы с ней! Если ничего противозаконного и убыточного, то я готов на любой расклад.

– Гостиница будет принадлежать моему ребёнку. И потом – вашим детям.

– Не понял...

– Ты женишься на моей дочери. Мы породнимся. И будем мирно работать на этом побережье, обеспечивая будущее моим внукам, моему роду. Комплекс оформишь на жену. Это моя страховка для неё.

– В смысле? А если мы разведёмся?!

– Нет. Моя дочь не должна быть в разводе. А если решишься – придётся оставить всё ей.

Нервно оттягиваю ворот футболки.

– Я даже не знаю её.

– Зачем тебе её знать? Или ты думаешь, я мог воспитать недостойную женщину?

– Нет! Я не это хотел сказать.

– А что? – требовательно смотрит на меня. Бросает взгляд на часы. – Что скажешь, Тимур?

В моей голове ускоренно щёлкает калькулятор. За сколько я отобью бабки при поддержке Алихана, за сколько удвою сумму. И когда смогу вывести её из «Жемчужины». Лет пять – и я буду иметь гораздо большую сумму чистыми, чем вложу. Да хрен с ним! Пять лет фиктивного брака – и я готов отдать ему «Жемчужину», удвоив свои вложения. И потом куплю другой комплекс в другом месте. Чем не вариант?

– Я согласен.

Глава 5

Замуж за русского (Ляйсан)

Обняв подушку, сижу на подоконнике, слепо глядя на расцветающие вишни. Грудная клетка словно сжалась от ужаса – не вдохнуть. Будущее для меня туманно и трагично. Я будто жду своих похорон. В одно мгновение мой мир рухнул. За что?!

Я привыкла к России. Не хочу обратно на родину. Там я буду как вещь! Здесь интернет, учёба... Пусть и не своими глазами, но я вижу мир! Там не будет ничего. Чужой харем, чужие дети, кухня, сад, уборка, стирка, хозяйство... всё!

Втайне надеялась получить диплом и что-нибудь придумать. Увернуться от этого ненавистного брака! Увернулась... Так бы хоть в России осталась. Любимой дочерью, уважаемой женой. А теперь – прислуга у чёрта на куличках, в дремучем кёй! всю жизнь с покрытым лицом! За что?...

На столе нетронутые мной фрукты и печенье. Из протеста не ем! Других выражений протеста мне не положено. Глаза опухли от слёз.

Дверь в мою комнату открывается. Подскакиваю с подоконника. Отец и братья. Закрывая лицо руками, покаянно опускаю голову. Хочется броситься к ногам отца и умолять... Но я не смею. Такой позор ему, что отец моего жени-

ха это всё увидел. Знала бы, что так получится, никогда бы не сделала так!

– Ляйсан, – выходит перед ними мама. – Надень своё золото, собери в сумку самое необходимое.

– Мамочка, – с ужасом бросаюсь ей в ноги. – Не надо! Пожалуйста! Отец! Прогони, отрекись, но не отправляй меня туда! Я работать пойду, я придумаю, как самой выжить!

– Моя дочь шляться будет? – гневно ведёт он бровью. – И дальше меня позорить?

Обессиленно рыдая, прячу в ладонях лицо.

– Не поедешь, – снижает голос мать. – Замуж за русского пойдёшь. Сегодня.

Замираю, пытаюсь осознать сказанное. Антон приехал? Заберёт меня?!

– Мама? – шепчу одними губами, пытаюсь поймать её взгляд.

Но она хмуро смотрит в окно, поджав губы.

– Собирайся.

Мать оставляет передо мной небольшую кожаную сумку. Все уходят.

А моё сердце и радостно, и тревожно колотится. Неужели пронесло?... Пощадили? Отец ему позвонил? Он согласился?!.. Ну, конечно, Антон! Какой же ещё может быть русский?

Трясущимися пальцами вдеваю серьги. Надеваю тонкий золотой ошейник с гирляндой цепочек, свисающих на грудь,

колечки, браслет... Что я могу ещё из дома отца взять?

Растерянно собираю свои тетрадки и несколько книг по учёбе, бельё, нетбук, новое домашнее хлопковое платье, одежду, в которой в университет хожу. Впихиваю с усилием туфли. Всё... места в сумке больше нет. Накидываю на сумку между ручек свой плащ. Всовываю ещё маленькую косметичку. Теперь точно всё. Телефон забрал отец...

Умывшись, надеваю традиционное светлое платье. Лёгкое, но закрывающее всё тело, чтобы лишний раз не раздражать отца. И газовый полупрозрачный никаб в цвет платья. Мне так дико стыдно от происходящего, что я не могу позволить себе выйти с открытым лицом.

Смотрю на себя в зеркало. Кошмар... Мои обычно красивые восточные глаза сейчас как у японки... Веки опухли... А больше ничего и не видно. Красить глаза не решаюсь. Отец не выносит, когда мы красимся. Но и прямого запрета не было. Поэтому тайком иногда подкрашивала глаза в университет.

Взяв сумку, выхожу из комнаты. Сестрёнки испуганно выглядывают из своей.

– Ляся... – шёпотом.

Оглядываюсь. Несколько секунд смотрим друг другу в глаза, прощаясь. Теперь одну из них, вероятно, отдадут вместо меня моему бывшему жениху. Мне стыдно перед ними тоже. Опускаю лицо, спускаюсь по широкой лестнице вниз. В холлелюдно. Нерешительно замираю на нижней ступень-

ке, ища взглядом Антона. Его нет.

Мы поедем куда-то? Что происходит?...

– Ляйсан, – зовёт отец, – подойди сюда.

В его голосе больше нет отвращения. В полубморочном состоянии подхожу к столу. На кресле перед ним сидит женщина. Русская. Я вижу свой паспорт у неё в руках, она переписывает с него данные на бланк.

И вдруг я понимаю, что мне не так уж и легче от того, что я стану женой Антона. Быть женой... За этим статусом много пугающего! Это супружеский долг, это его отец и мать. Как примут?... Ведь даже родители не познакомились. У нас так не делают. И мне всё равно плохо и страшно. Но я стараюсь держаться спокойно и мужественно. Разве эта судьба не лучше, чем быть отправленной к чужим суровым людям или даже выйти замуж за моего бывшего жениха? Уже давно не молодого, религиозного и строгого, с его сальными, презрительными взглядами.

Какой-то незнакомый мужчина спиной ко мне говорит тихо по телефону.

– В смысле – разбил?... Ты разбил тачку Аллы?! Ты не вписан в страховку, идиот! Ты чо... – с яростью проглатывает он пару матов.

Мне становится неуютно от его плещущей ярости. Его кисть нервно и ритмично сжимается в кулак. Костяшки сбиты, словно он недавно разбил что-то этим кулаком. Или кого-то. Делаю шаг подальше от него.

– Документов у тебя нет? – ядовито продолжает. – Подъехать?! Я на сделке. Я никуда не смогу подъехать ещё часа три!.. Вот и пусть забирают! Всё! К хренам собачьим! – шипит он.

Рывком разворачивается. Его осатанелый взгляд невидяще скользит по мне и дальше – по столу, по документам. Телефон в его руке снова звонит. Скидывает. Опять звонит. Его губы вздрагивают в оскале. Выключает.

Он пугает меня... Где же Антон?

Оглядываюсь, пытаюсь сделать ещё шаг назад, но подошедший сзади отец придерживает за локоть.

– Ваш паспорт, – обращается к мужчине женщина, заполняющая бланки.

Он достаёт, кидает перед ней. Желваки на его лице рассерженно вздрагивают.

Зачем здесь этот человек? В нашем доме не бывает русских...

Она списывает данные с его паспорта.

Зачем это? Что происходит?!

– Мама... – осипнув, тихо зову я мать, ищу её взглядом.

Но она слишком далеко и тоже с покрытым лицом.

– Вот здесь распишитесь, – женщина двигает по столу к этому злому мужчине несколько листов.

Тыкает ручкой в нужные места. Он раздражённо и быстро ставит роспись. Потом двигает листы в мою сторону.

– Отец... – с колотящимся сердцем поворачиваюсь я, не

смея прямо задать вопрос.

– Подписывай! – давяще.

Мужчина быстро печатает что-то на телефоне, не бросив на меня ни одного взгляда. Пальцы отца сжимают мой локоть до боли. В ушах шумит, в глазах темнеет. Никакого Антона не будет, да?... Ручка в пальцах непослушно дрожит. Я что-то слепо черкаю.

– Гаранин Тимур Алексеевич, – тараторит женщина, равнодушно глядя на него, – Гаранина Ляйсан Алихановна, – переводит на меня взгляд. – Объявляю вас мужем и женой. Поздравляю с бракосочетанием. Документы можно будет забрать через неделю.

Что?!..

Глава 6

«Шахидка» (Тимур)

Я снова женат. Скоропостижно вышло... Алла меня живьём сожрёт. Нихрена, пусть терпит это временное явление. Бабки она мои любит, так пусть и обратную сторону их наличия принимает.

Смотрю на девчонку. Ну, мумия, честное слово! С ног до головы закутана в ткань, одни глаза. Остекленевший взгляд застыл в пространстве.

Она хоть по-русски говорит? И имя какое-то... С первого раза и не выговорить.

Как овцу продали. Практически по весу. Ну у них, видимо, женщины другого и не ждут. Главное, чтобы по-русски говорила. Иначе совсем тяжело будет.

Забираю наши документы себе в карман.

– Давай сумку.

Молча протягивает. Мы касаемся пальцами. Как ужаленная отдёргивает руку. Сумка падает на пол.

– Простите, – выдыхает испуганно.

С раздражением поднимаю сумку, возвращаю плащ на место. Я в бешенстве, да. Но она ни при чём здесь. Это всё Ренат! Скотина! Страшно представить, во сколько теперь эта авария обойдётся. А ещё достигшая пика абстиненция. И

около десяти смсок от Аллы. А самое главное – то, что я опаздываю на сделку по «Жемчужине».

Поднимаю на неё требовательный взгляд.

– Мы торопимся.

Протягиваю руку. Понурившись, она нерешительно вкладывает свои тоненькие ледяные пальцы в мою ладонь. Веду её к машине. Открываю дверь, усаживаю на переднее сидение. Сумку – назад. Сажусь за руль, ища по инерции взглядом пачку. Телефон трезвонит. Идите все к черту!

Выжимаю газ, срывая машину с места.

– Пристегнись.

– Что?...

– Пристегнись! – набираю скорость.

Неуверенно возится с ремнём безопасности. Перехватываю из её пальцев пряжку, не глядя втыкаю в фиксатор. Твою мать, элементарная же вещь!

Боковым зрением вижу, как она нервно заламывает свои пальцы. И так тихонько судорожно вздыхает, словно очень долго плакала. Почти как моя Маруська. И меня это вспенивает ещё сильнее. Дикари какие-то! Кто так дела делает? Смотрит на меня как на чудовище, вернее, не смотрит в глаза даже. Нет, а я-то тут при чём? У меня выхода нет! А у них-то был.

– Мне, знаешь ли, эта история тоже неприятна. Я тебя в жёны не просил. Но так уж вышло. Поэтому придётся нам договориться.

– Что?

– Ты понимаешь по-русски?

– Понимаю...

– Почему всё время переспрашиваешь?

– Извините...

Костяшки, сбитые о челюсть брата, воспалились и ноют, повышая градус моих психов. Если ещё и эта проблемная окажется, я их всех поубиваю к чёртовой матери!

– Как тебя зовут?

– Ляся. Ляйсан...

– Короче... Ляйсан. Ты отправляешься в мой мир. Там мои правила. Ты должна эти правила усвоить. Первое – ты меня не бесишь.

– Что?... М... Что это значит?

– Никак не напоминаешь о своём наличии. Тебя нет! Поняла?

– Поняла, – убито.

Ну что так убиваться-то? Знала бы ты все мои проблемы! А у тебя какие проблемы? Ешь, спи, читай, телек смотри...

– Вот и умница. Ты меня не бесишь, и тогда у тебя всё будет хорошо. И у меня.

Смотрю на часы. Десять минут осталось до назначенного времени сделки. А потом у владельца самолёт до Тель-Авива – и до свидания, моя «Жемчужина».

Скидываю смс, что подъезжаю. Вылетаю на пятую полосу, на обочину, обгоняю пробку. Резко торможу на парковке. С

сомнением смотрю на эту Ляйсан. Её же в машине оставить страшнее, чем ребёнка! Но и с собой в этой парандже тащить не вариант. Ещё подумают, шахидка какая-то.

– Сидишь в машине, не выходишь. Буду через минут сорок. Хорошо?

Кивает.

– Номер телефона мне свой скажи, – открываю телефонную книгу.

– Нет телефона...

– Плохо, Ляйсан! – закатываю я глаза.

– Извините, – опускает взгляд.

– Хватит, а? – становится мне тошно. – Просто посиди.

Скоро приду. Воды хочешь?

Достаю пластиковую бутылку из бардачка. Её колени аккуратно отъезжают в сторону, чтобы я не коснулся их.

Это тоже раздражает, как и всё остальное. Но при чём тут она?

– Если можно...

Отдаю бутылочку.

– Музыка включить?

– Не знаю, – срывается её голос.

Достаю из кармана в сидении Маруськин планшет.

– Умеешь пользоваться?

– Умею.

Не совсем дремучая, значит, барышня. Это радует.

– Пользуйся, – кладу на колени.

Придерживает, чтобы не соскользнул.

– Вкладки только не закрывай, а то хозяйка разгневается.

Ухожу, захватив портфель с деньгами. Владелец попросил наличкой.

Пока оформляем сделку, всё время нервничаю, словно и правда оставил ребёнка в машине. Но она же совершенно-летняя барышня. Или – нет?! Окатывает вдруг меня страхом. У них, наверное, и в пятнадцать отдают с разрешения родителей. С шестнадцати так точно! Достаяю её паспорт. Листваю на страничку с датой рождения. Выдыхаю. Восемнадцать. Совсем недавно... Перевожу взгляд на фотку. Там худенькая глазастенькая девочка лет тринадцати-четырнадцати. Ну, логично, да. В четырнадцать же паспорт получают? А меняют только в двадцать.

– Тимур Алексеевич, распишитесь.

Поглядывая в окно на свою машину, ставлю подписи. Отдаю деньги. Забираю документы.

Всё! Свершилось! Теперь главное, не облажаться.

Покупаю себе энергетик. Он немного умиряет абстиненцию, но вздрючивает ещё сильнее.

Так, а теперь домой, раздавать ремня.

Или выхватывать. Тут как пойдёт.

Возвращаюсь в машину. Оглядываю свою «шахидку». Вроде бы всё в порядке. Делаю глубокий вдох. Пора ехать.

На светофоре бросаю взгляд на её руки. Аккуратные короткие ноготки. Никакого лака. Как у девочки. Пальцы нерв-

но сжимают так и не открытую бутылку воды. Надо её временно изолировать, пока переберется Алла. И надо как-то учить её автономности. Мне только ещё одного ребёнка в доме и не хватало!

– Короче, так. Ко мне ты обращаешься – Тимур. Но чем реже обращаешься, тем нам обоим спокойнее.

Кивает.

– И вот это всё лучше снять.

Не могу же я её домой в парандже привезти!

– Что? Оо... Простите, – покаянно.

– Мда... Непросто нам будет. Тебе обязательно носить такую радикальную одежду? Если мы купим что-то попроще, твой отец не будет против?

– Боюсь, что моему отцу теперь всё равно.

Это очень хорошо! Отсутствие внимания к нашему браку со стороны Алихана существенно облегчит мне жизнь.

– Ещё одна важная деталь, – начинаю я без предисловий. – Дело в том, что я, вообще-то, уже женат. Поэтому ты – вторая жена... ммм... как это... Младшая? У вас же это не возбраняется?

Молчит, глядя в лобовое.

– И если ты не будешь настаивать, то наш супружеский долг мы отложим в какой-нибудь долгий ящик, который забудем, как открывать. Или ты настаиваешь... на... ммм... завершении брака? Я, честно сказать, не самый ласковый муж!

– Нет! – выдыхает испуганно.

– Что – нет?

– Не настаиваю.

– Я так и понял.

Нажимаю на брелоке кнопку, поднимающую ворота.

– Моя... старшая жена будет сейчас очень недовольна, – предупреждаю я. – Поэтому особенно не отсвечивай. Я со всем со временем разберусь.

Забираю её сумку, подаю руку, помогая выйти из машины. Ляйсан оглядывается.

– Извини, фонтанов и павлинов нет, зато есть бассейн. Вода с подогревом, можно купаться уже сейчас.

На втором этаже три комнаты. В одной сейчас живёт Ренат. Вторая Марусина. А третья пустая.

– Пока не обставляю тебе собственную, поживёшь в комнате моей дочери.

Завожу её внутрь. В гостиной играет музыка. Из кухни запахи. В целом, достаточно аппетитные!

Отдаю сумку.

– Наверх по лестнице, первая дверь налево. Царство розовых пони и фей. Не промажешь.

Нерешительно идёт по лестнице. А я на кухню.

Упираясь спиной в косяк арки, недовольно наблюдаю за тем, как Алла разбирает коробки из ресторана.

– Спасибо, что справилась с ужином, – скептически смотрю на нетронутую плиту.

Вздрагивает.

– Напугал!

– Алл... что бы ты выбрала: залететь сейчас, но сильно сократиться по деньгам и возможностям. Или отложить за-лёт лет на пять, но расширить бизнес и возможности?

– Второе, конечно!

– Ну тогда у меня для тебя новости...

Глава 7

Зверушка (Ляйсан)

В комнате дочери моего мужа и правда всё нежно-розового цвета. Только ковёр и обои цвета топлёного молока. В углу огромная кровать, сделанная чердаком, вниз с неё – пластиковая горка через полкомнаты. Под кроватью домик, зашпанный тюлевыми шторами. Оттуда выглядывает морда мягкой лошадки.

Хозяйки нет.

А я так надеялась... Мне вдруг показалось на мгновение, что соседство с девочкой сделает моё пребывание в этом доме более... безопасным? И никто меня не тронет при ней. Хотя он и так обещал не трогать. Не обещал, конечно. Просто заявил, что ему это не нужно. И я благодарю Бога...

У окна столик с детскими круглыми креслами. На них сидят большие куклы. На стене напротив плазма. На другой – игровое полотно. Такое есть в комнате у моего младшего брата.

Оглядываюсь, не понимая, как мне здесь устроиться. От изнеможения колени подкашиваются. Ложусь на пушистый ковёр. На спину. На потолке едва видны глянцевые звёздочки. Они должны светиться в темноте. У меня в комнате в отцовском доме были такие же светящиеся цветы. У нас, у

всех сестёр, комнаты были как у принцесс. Маленьких нас очень баловали и берегли. Чем старше – тем строже.

Вот бы стать мне тоже куклой на этом детском креслице... Не больно, не страшно, всё равно.

Мне хочется уснуть и не проснуться. Детство закончилось, всё.

Просила русского – выпросила!

Тимур... Тимур совсем не такой, как улыбчивый и ласковый Антон с его мягкими чертами лица. Тимур скуластый, глаза – как сталь! Взгляд пронзительный и требовательный. И сам суровый, раздражительный, хмурый, говорил со мной с досадой, словно я ему заранее мешаю, совсем не так, как Антон говорил. Ну и пусть. Главное, что не тронет. Нет меня!

Это тоже страшно. Бесправная, никому не нужная...

Какие правила в этом доме для меня, я не знаю. Есть ли тут другие мужчины и можно ли ходить свободно – не знаю. Можно ли мне учиться – не знаю. А завтра лекции... Спрашивать страшно. Меньше всего мне хочется вызвать его гнев. Мужчины бывают очень жестоки.

Дверь в комнату приоткрыта. Внизу крики, ругань. Зажмуриваюсь от ужаса. Мой отец никогда не кричит. Он просто наказывает. Нас – девочек – изоляцией и тяжёлой работой по дому. А ещё постоянно висящей угрозой отослать на родину. Но у нас в доме женщин никогда не били. Я первая выпросила...

От повышенного гневного голоса Тимура я впадаю в оцепенение. Мне кажется, что в итоге он может сорваться на мне. Отец, когда гневался на братьев, часто наказывал и нас, девочек, если попадали под горячую руку.

Родители его здесь живут? Не представил... У нас так не бывает.

Что его отец обо мне скажет? Как мать примет? А ещё жена эта старшая...

Прислушиваюсь. Ругаются!

– Ты будешь, Алла, так со мной разговаривать – вылетишь отсюда, ясно?

Алла, значит...

И я представляю, что будет, если вылечу отсюда я. Куда я пойду? В отцовский дом – вряд ли примут.

Некоторые девочки с курса живут в общежитии. Но там творится такое... Рука отца не дрогнет придушить меня, если узнает, что в общежитии живу. Для него общежитие и публичный дом – одно и то же.

– Она просто будет здесь жить! И всё! Какие проблемы?!

– Ты привёл к нам домой какую-то тёлку! Я должна жить с ней под одной крышей??

– Какую тёлку? Она девчонка ещё. Считай, я просто её опекун на несколько лет.

– На молоденьких потянуло?

– Ты больная, что ли?

– Где она?! – голоса приближаются.

– В детской она.

– Чёртов извращенец!

Как грубо с мужем говорит. Ужас!

– А ну-ка, стоять! Ты туда не пойдёшь!

Закрываю уши ладонями. Хотя бы они обо мне забыли на сегодня!

Сказал – снять никаб. Лучше слушаться. Женщина послушная – мужчина великодушный.

Зеркал в комнате нет. Но есть дверь с матовым стеклом. В моей комнате в отцовском доме за такой была ванная комната. И я иду туда – переодеться, умыться, привести себя в порядок.

От голода тошнит и кружится голова. Я могу готовить здесь?... Или нельзя? Как и когда здесь кушают?

Долго умываюсь ледяной водой. Распускаю волосы. Решаюсь переодеться в домашнее платье. В хареме, на женской половине дома, можно носить платья с открытыми руками и шеей. У меня именно такое. У русских нет харема. Мужчины и женщины вместе живут, вместе едят... Наверное, здесь неважно, закрыты шея и руки или нет. У нас и на учёбу девочки в открытом ходят. Но чувствую себя очень неловко. Одно дело на других с оголённым телом смотреть, другое – самой так ходить.

Раньше мне хотелось... чтобы открыто, смело. А сейчас хочется, чтобы меня никто не видел, не замечал.

Прикрываю дверь в свою комнату, чтобы не слышать их

перепалку. «Тимур не слишком строгий», – делаю я вывод. Иначе давно бы наказал эту крикливую жену. Но лучше не искать границ его терпения. Может, он к ней так терпим, потому что беременная. Наверняка.

Время идёт медленно. Я сижу одна на мягком ковре не первый час. Допиваю воду, что дал мне муж. Мне очень тревожно...

Хочется отвлечься, но в шкафу только детские книжки. Как включается здесь телевизор, я не знаю. Пульт нет. Мой телефон забрал отец. Планшет дочери Тимура остался в машине.

Достаю учебник по анатомии, листаю странички, пытаюсь учить. Скоро экзамены. А вдруг разрешит учиться?

Наверное, в какой-то момент меня отключает. И снится мне всякий ужас. Снится Антон. И его поцелуй, от которого сводит живот, и кровь бросается в лицо, словно ошпаривая. И отец моего бывшего жениха. Я тону в стыде и позоре, вдруг оказываясь голой там, у фонтана. На меня все смотрят с отвращением. Снится пощёчина отца... И опять Антон. Он превращается в Тимура.

Сквозь сон слышу чуть приглушённые женские голоса. Этой Аллы и ещё один, незнакомый.

– Девку привёз! Жена, представляешь? Пять лет из него свадьбу выскребаю – хрен! Тут за пять минут женился!

– Арабка, что ли?

– Да! Дикарку восточную. Турчанку, иранку... Точно и

сам не знает. Приданое к «Жемчужине». Говорит – и не видел её. В парандже. Двух слов связать не может.

– Ой, Алла, ты в Турции была? Они же все неряшливые, толстые, волосатые, запущенные... Что ты вспенилась? Нужна она ему! Он же всегда на блондинок западал.

– Наверное, страшная, да, раз ему, не показав, всунули. Или, может, больная какая.

– А где она?

– Сказал – здесь, в детской.

– Пойдём посмотрим?

– Запретил заходить.

– Ой, – скептически.

– Злой – капец! Чуть что – собирай вещи. С бизнесом у него не гладко. Ещё и брат его – бестолочь, торчок!.. Тачку мою сегодня до техосмотра не довёз, разбил.

– А сам-то Тимур где?

– Улетел по делам часа два как...

– Давай зайдём! Он и не узнает. Посмотрим, что за зверушка.

Растерянно приподнимаюсь, упираясь ладонями в пол. Тяжёлые волосы рассыпаются по плечам. От обиды и возмущения перехватывает дыхание. Поднимаю глаза на дверь. Она открывается. В лицо мне бьёт полоска яркого света.

Встречаюсь взглядом с женщинами. Блондинка с волнистыми волосами по плечи. И рыжеволосая, с длинными. Обе – лет на десять старше. Такие... надменные!

Застыв, ошарашенно смотрят на меня.

– Что-то я не поняла... – шарит по стене ладонью блондинка.

Судя по голосу, Алла.

Щелчок. Свет в комнате загорается. Я чувствую себя неловко и униженно, глядя на них снизу вверх. Ещё и яркий свет слепит.

– Ох-ре-неть... – открывает рот рыжая.

Мои щёки вспыхивают. Сами вы – зверушки больные! Прикусываю язык, чтобы не говорить в ответ грубости. Нет у меня здесь такого права!

Молчаливое противостояние взглядами. Вспоминаю их разговор и, не удержавшись, выпаливаю:

– Тимур сказал: вам сюда не заходить!

– Смотри-ка ты! – с ненавистью выплёвывает Алла. – И слова отлично вяжет! Огрызается! Молча вздёргиваю подбородок. Кровь кипит. Кусаю губы...

Муж сказал – она старшая. Я должна почитать. Но я этого не умею. У отца была одна жена – мама. В нашем доме других не было. А среди сестёр я старшая. И никто из женщин меня никогда не унижал.

– Мда... – тянет саркастически рыжая. – Вот тебе и зверушка.

От гнева, обиды и беспомощности на глаза наворачиваются слёзы.

– Я не понял! – рывкает где-то сзади Тимур.

Не вижу его, только слышу. И вся моя спесь тут же испаряется.словно тяжёлый шар падает вниз живота от страха. Да и женщины мгновенно осаживаются.

– Зоопарк, что ли? С первого раза не понимаешь?

– Гаранин... Ты!.. – разворачиваясь, шипит на него Алла. – Ты издеваешься?! Ты что там плёл про опеку? Ты думал, я её не увижу?!

– Исчезли, – тяжелеет его голос. – Второй раз повторять не буду.

Алла с грохотом захлопывает мою дверь.

Обнимаю себя за колени, глядя в пустоту. Слёзы текут... Как я буду здесь жить?

Глава 8

Неожиданность (Тимур)

– Всё, Костик, давай, – жму протянутую руку. – С утра весь персонал там прошерсти. Кого уволить, кого оставить, кого дотянуть. А я по бумажкам сяду.

– Тимур, держи, – протягивает мне коробку.

– Что это?

– Никотиновой пластырь. Ты как вштыренный. Вот-вот на крик сорвёшься. Завтра много встреч. Это косяк.

– Чёрт... – взъерошиваю волосы. – Так заметно?

– Вообще трындец!

– Наверное, ты прав. Попробую плавно. Даже стрёмно как-то, что с наскока бросить не получается.

Ещё раз жмём друг другу руки.

В машине читаю инструкцию. Леплю к плечу. Закрываю глаза... Через сколько там должно подействовать?

Надо домой... Там шахидка моя... Не разрулил толком ничего, пришлось экстренно сорваться. Вымотался, а дома ещё конь не валялся. Нужно мебель ей заказать в комнату. Покормить. Ну и вообще, поговорить нормально.

Раскладываю по мысленным полкам все свои срочняки. В себя прихожу от звонка телефона. Твою мать... вырубился. Смотрю на часы. Ого!

– Да?

– Гаранин Тимур Алексеевич?

– Да.

– Мы отправили Вам счёт по заказу на восемьдесят тысяч.

Оплачивать будете? У нас рабочий день заканчивается. Доставка работает до десяти.

– Какому ещё заказу?

– Два ротанговых шезлонга.

– Я не заказывал.

– Ваша жена заказала, оставила Ваши контакты.

– Жена?!

Какая шустрая...

– Алла Михайловна.

– Ааа... – доходит до меня. – Нет, не буду. Отмените заказ.

Сказал же: никаких внеплановых расходов!

Вечерняя пробка уже рассосалась, и я быстро долетаю до дома. На моём месте припаркован синий Пежо. Вероника! Подружка Аллы. Не выношу её... Психуя, паркуюсь рядом. Только гостей нам и не хватало. И так полный абзац в доме.

Ренат, судя по всему, ещё не являлся. Надеюсь, Алла не натворила никакого треша. Вроде бы договорились обо всём.

– Алла?... – заглядываю в кухню.

Взгляд застывает на столе. Заказанный из ресторана ужин, к которому я не успел приобщиться, выложен на большие блюда. Два использованных прибора. Початая бутылка вина... Как поели, так и бросили всё. Алла привыкла к при-

слуге. А сейчас временно придётся обходиться без неё. Кто теперь должен это убирать? Я?!

Слышу голоса с лестницы.

Твою ж... Там же эта... Как её... Имя не запомнил. Жена, в общем!

Меня опять вспенивает до скрипа зубов. Алла иногда... хреново вникает! Сказал же...

– Мда... Вот тебе и зверушка, – слышу я голос Вероники.

Зверушка?... Зверушка?! Сдерживаю порыв спустить их обеих с лестницы.

– Я не понял! – рывкаю на Аллу. – Зоопарк, что ли? С первого раза не понимаешь?

– Гаранин... Ты!.. Ты издеваешься?! – истерично взмахивает руками. – Ты что там плёл про опеку? Ты думал, я её не увижу?!

Что там смотреть?! Девчонку перепуганную? Нашли зверушку!

– Исчезли. Второй раз повторять не буду.

Алла захлопывает дверь в комнату. Бросаю взгляд на часы.

– Короче, на кухне за собой убрать, ужин мне разогреть, подружки – по домам, – рычу я, недовольно поглядывая на Веронику.

«Девчонка-то тоже не ужинала!» – вспоминаю я. Я же думал, что раньше вернусь. А с Аллой их пока сталкивать не вариант.

– На две персоны накрой.

– Я тебе не домработница! И наложниц не обслуживаю!

– Кто ты мне и кого обслуживаешь, мы обсудим без третьих лиц.

Психуя, Алла летит по лестнице вниз. Морщусь... Не загремела бы на своих каблуках. Нахрена каблуки дома носить? Пол здесь с подогревом, покрытие упругое... Привычка профессиональная, что ли?

Выдыхаю, собираясь с мыслями.

Как там было? Припоминаю наш разговор в машине. «Ляся, Ляйсан...»

Открываю дверь.

– Добрый ве... Оу...

Замираю с открытым ртом, забывая, чего хотел. Неожиданно... Облизываю мгновенно пересохшие губы, оттягивая ворот футболки. Разглядываю сидящую на ковре девушку.

Вот это да!..

Густые роскошные волосы окутывают её как русалку. Я такое только по телеку видел. И то не уверен, что не монтаж. Поднимает на меня жалобный взгляд. Волосы рассыпаются от этого движения. Глаза-то какие... Утонуть можно! И как я их сразу не рассмотрел? Наверное, не смотрел... Правду говорят, что в восточных женщин за одни глаза влюбляются, даже лица не видя. Такой и косметика не нужна. Тёмные густые ресницы обрамляют чуть раскосый восточный разрез светлых глаз. Пухлые трепетные губки обиженно вздрагива-

ют.

Как загипнотизированный присаживаюсь рядом с ней. Её кожа словно подсвечена изнутри... молочная... Щёчки-персики. Юная совсем.

Подчиняясь внутреннему порыву, стираю большим пальцем слезу. Заправляю прядь, упавшую на лицо, за ушко.

Испуганно замерев, не смеет шевельнуться, покорно опуская горестный взгляд. И эта её эмоция вдруг пробивает мою броню, влезая под кожу. Доставая нечто незадействованное ранее. Болезненное, настойчивое, чисто мужское. Меня окатывает тяжёлой, слепящей жадой обладания... Я снова жадно облизываю губы, сглатывая подкативший к горлу ком.

Жарко...

Вдыхаю глубже. Пахнет непривычно. Никаких ожидаемых арабских духов с давящим сандалом. Наоборот. Чем-то... цветочным... тонким... едва уловимым... юным, тёплым... Хочется прижаться лицом к её шёлковой роскоши и вдохнуть так, чтобы всему пропитаться изнутри этим запахом и утолить всепоглощающий, будоражащий кровь голод.

Но... в эту сторону нам двигаться не надо. Она не рабыня. Она всего лет на десять старше моей Маруськи... И то, что мне вставило, совсем не повод использовать её. Такая невинная красота обезоруживает.

– Ты неожиданно красива, Ляйсан.

Попытка превратить это просто в нейтральную констатацию факта проваливается. Мой голос просаживается, пере-

ходя на хрип. Прокашливаюсь.

Потёк, Гаранин?... Кто ж тут устоит?

Кровь приливает к лицу, пульсируя в ушах. Ещё раз веду пальцем по мокрой щеке.

– А плакать не надо.

Делая усилие над собой, убираю от неё руки.

– В общем...

Что я собирался ей сказать?

– Если кто-то будет обижать, – стреляю взглядом на дверь, – ты сразу говоришь мне. И я вмешиваюсь. Тебя здесь никто не будет трогать. Ни я, ни кто-то другой. Будешь спокойно жить, как жила у отца. Ко мне относись как к опекуну.

– Спасибо...

– Днём я был раздражён. Прошу прощения за резкость.

Вкладываю ей в руки телефон, который купил для неё.

– Это тебе.

– Спасибо...

– Здесь вбит мой номер.

Взгляд, не подчиняясь, скользит ниже, по обтянутой тканью пышной груди... изгибу бедра... к босым ступням с ухоженными идеальными пальчиками. Нежно-розовыми... На тонкой щиколотке – золотая цепочка.

Она как из другой реальности.

Встряхиваюсь, рывком отвожу глаза, попадая взглядом на книгу у её стопы. Поднимаю.

– Анатомия?...

– Можно спросить? – шепчет, не поднимая глаз.

– Конечно.

– Мне можно дальше учиться?

– Ты учишься? – взлетают мои брови от удивления. – На кого?

– На фармацевта.

– Мм... Это... отлично! – развожу руками. – Можно, конечно.

– Как добраться? – поднимает наконец-то на меня вопросительный взгляд.

– Хм. А как раньше добиралась?

– Братья привозили, забирали...

– Скинь мне своё расписание, что-нибудь придумаем. Голодная?

– Да.

– Пойдём... с кухней тебя познакомлю. Готовить умеешь, надеюсь? Здесь придётся о себе заботиться самой.

Алла нас всех не прокормит точно. Она и себя не прокормит!

– Умею.

– Вот и умница.

Поднимаюсь, протягиваю ей руку. Пальцы у неё больше не ледяные. Оттаяла немного?

– Пойдём.

– В таком можно выходить? – покусывает тревожно губу, сжимая ткань юбки платья.

– Не понял вопроса.

– Руки, шея... открыты. Можно?

– Можно всё, что тебя не смущает саму. Платье очень красивое.

Не могу перебороть себя и выпустить из рук тонкие пальчики. Так и вывожу из комнаты за руку.

– Лестница крутая. Спускаешься – держись за перила.

Веду вниз. А хочется остановиться, развернуться и подхватить её снизу так, чтобы каскад её волос накрыл и меня. И утонуть в их запахе... засунуть ей в рот язык и...

Стоп!

Назвался опекуном – опекай. А вот это всё – к Алле. Глядишь, тогда и уживутся.

С сожалением, но решительно отпускаю пальцы Ляйсан...

Концепция не меняется.

Глава 9

Добрый-злой (Ляйсан)

Тимур отпускает мою руку и уходит вперёд под арку. Остановливаюсь в ней. На кухню с распущенными волосами заходить нельзя. Откидываю их назад и торопливо плету ко-су потуже.

Оперевшись на барную стойку, внимательно следит за каждым моим движением. Сначала показалось – злой. Теперь кажется – добрый. Противоречивый. Лучше особенно не расслабляться. Завтра опять может стать злой.

Но его обещания очень греют душу. Учиться можно, трогать не будет... Зачем ему меня обманывать, если я уже и так принадлежу ему?

Оглядываю кухню. Красивая. Современная. А хозяйки нет... Поджав губы, смотрю на бардак на столе. У нас бы мама за такое выпорола!

Грустно вздыхаю. Свинину мы не едим. А на столе только окорок, запечённый с овощами. Но мужчине нужно подавать то, что он велит.

– Так, – спохватывается он.

Открывает духовой шкаф, озадаченно смотря на блюдо с окороком.

Поднимает его, ставит в шкаф. Неуверенно зависает паль-

цами возле панели.

– Можно помочь?

– Нужно!

Преодолевая внутренний барьер, подхожу к нему ближе. Мы неловко застываем. Словно с сожалением, он отстраняется, уступая мне место. Включаю режим разогрева.

– Хлеб порезать?

Бросает взгляд на стол.

– Порезан.

– Чёрствый уже... Мужчинам такое не подают.

Склонив голову набок, с любопытством рассматривает.

На кухне мне комфортнее. Это женское место.

– Хорошо, порежь.

Мою как следует руки. Отыскиваю взглядом хлебницу, ножи... У нас кухня и столовая отдельно. У него разъединены только стойкой.

– Зелень, овощи? Порезать?

– Хм...

Открывает холодильник, вытаскивает оттуда пару пучков зелени. Подхожу ближе, чтобы забрать. Мы опять неловко замираем, пытаюсь поделить пространство.

Мне он кажется неуместным на кухне. Как горящий факел, который надо всегда обходить, чтобы не обжечься.

– Можно я... – несмело киваю на холодильник, – сама?

– Давай.

Уступает мне место. Делаю овощную нарезку, выклады-

ваю на листья салата. Поливаю маринадом из оливкового масла и бальзамического уксуса. Отец очень любит, чтобы было так.

– Кунжут есть? – оглядываюсь я.

Все полки закрыты.

– Я не знаю, – пожимает плечами. – Специи вот здесь.

Открывает один из шкафов. Отыскиваю маленькую непочатую пачку. Посыпаю овощи.

– Остро делать или нет? – с сомнением сжимаю в руках мельницу с перцами.

Надо же мне знать, как ему готовить?

– Остро.

Под его внимательным взглядом всё норовит выпасть из рук! И хочется умыть горящее лицо.

Достаю зашкворчавший окорок. Отрезаю несколько тонких пластов мяса. Красиво выкладываю на блюдо рядом с овощами. Поливаю сверху жиром, чтобы не было сухое. Посыпаю зеленью. Ставлю перед ним на стол. Кладу на салфетку приборы.

Его брови отчего-то удивлённо ползут вверх.

– Я что-то не так?... – теряю от волнения голос, машинально хватаясь рукой за горло, чтобы прикрыться. Ощущение уязвимости возвращается.

Встречаемся взглядами.

– Всё... ммм... отлично. Спасибо. Положи себе тоже и сядь со мной.

Опускаю взгляд.

– Мне нельзя такое. Извините...

– Какое?

– Свинину...

– Ааа... Чёрт, – с досадой. – Я и не подумал.

Хмуро отодвигает тарелку.

– Пф... – пренебрежительно доносится сзади.

Оборачиваюсь. Алла...

Взгляд Тимура, устремлённый на неё, мгновенно тяжелеет. Но она игнорирует.

– Что ты ешь на ужин обычно, Ляйсан? – достает Тимур телефон.

– Творог с фруктами. Рыбу с овощами.

– Не повезло тебе, детка! – проходит Алла мимо меня.

Встаёт за спиной Тимура и кладёт ему на плечи руки. Демонстрируя свой особый статус.

Да и ладно...

– У меня лактозная непереносимость и аллергия на морепродукты. В этом доме не бывает ни одного, ни другого.

Ноздри Тимура недовольно вздрагивают. Ведёт плечом, уворачиваясь от ладони Аллы. Встаёт.

– Минуту...

Из кухни выходит на террасу. Негромко говорит с кем-то по телефону.

Алла недовольно осматривает кухню.

– Здесь я хозяйка, поняла?

– Как Тимур скажет, – поджигаю губы.

Лучше с ней не ругаться. Но...

Ну не могу я с почтением к ней. Веду взглядом сверху вниз. Можно вот так появляться там, где люди обедают? В короткой тунике, небольшая грудь сдавлена так, что вываливается из бюстгальтера. На открытом плече татуировка. С пачкой сигарет в руке, макияж словно потёк, на высоких каблуках... Как девка продажная!

– Тимур тебе уже всё сказал насчёт твоего статуса. Что-то может непонятно?

Кровь бросается мне в лицо.

– Ты здесь на правах гостыи. Так что особенно не хозяйничай.

Злая какая... Что я тебе сделала?

– Как Тимур пожелает, – упрямо повторяю я.

– Хотя... на кухне можешь и хозяйничать, – ядовито улыбается. – Он как раз прислугу уволил. А тебе и платить не надо.

– Жена должна готовить, что тут зазорного?

– Ты не жена!

– Так сама готовь. Или не умеешь? – взбрыкивает во мне всё протестом.

Почему от женщины такое терпеть должна? Она мне не мать, не свекровь! По законам шариата муж не может одну жену над другой превозносить!

– Не твоего примитивного ума дело – что я умею, а что

нет. Что я умею, тебе никогда не освоить.

Чувствую интуитивно, о чём она, по её скабрёзному, вызывающему взгляду. Нашла, чем хвалиться! И чем меня унижить! Невинностью моей? Глупая какая женщина!

– И где на такое учат? – прищуриваюсь я. – В каких институтах?

Разъярённо вдыхает поглубже, лицо наливается кровью.

– Через полчаса всё привезут – и творог, и фрукты, и рыба-гриль, – возвращается Тимур.

– Нормально! Мой заказ ты отменяешь, а этой зато...

– Алла! – рывкает он. Голос гневно звенит.

Я виновато опускаю глаза, делая пару шагов назад.

– Что – Алла? А ты что сразу ветошью прикинулась?! – разворачивается ко мне. – Язык проглотила? Строит из себя тут цветочек невинный.

– А ну-ка нахрен свалила отсюда! Дай поесть спокойно! – взрывается Тимур, бросая с грохотом вилку на стол.

Ой, мамочка... Зря я огрызалась!

Тихонечко проскальзываю мимо него, пытаюсь сбежать наверх.

– Ляся! – рывкает.

Задохнувшись, замираю, слушая своё колотящееся сердце.

– Ты не поела, – чуть снижает он тон.

– Можно уйти? – шепчу я испуганно.

– Ладно, – раздосадованно, – иди...

Глава 10

Первая брачная ночь (Тимур)

– Не собираюсь я прикасаться к этой девочке, поняла? Но и тебе её прессовать не позволю! Она ничем это не заслужила.

– Она огрызалась!

– Наверняка на твоё хамство, да?

Недовольно бурчит что-то себе под нос.

– Ляся, по сути, хозяйка «Жемчужины». А я, по сути, только управляющий. Не ищи края, Алла! Нам надо с ней дружить.

– «Ляся»... – передразнивает она.

– Просто представь, в каком она стрессе. Она испугана... Чужие люди, чужое место. Остановись, Алла! Между нами всё остаётся как прежде.

– Сними ей квартиру!

Не уверен я, что она сможет жить одна. От неё разит наивностью и беспомощностью. В социальном плане, конечно. Как хозяйка-то она поуверенней Аллы будет. А так... Братья всегда сопровождали, говорит. Как она одна будет? Тем более, с такой внешностью. Её ж похитят, ё-моё... Было б мне на десятку меньше, и всего этого груза бы не было – я б похитил. Да и...

– Её отец, Ал, не согласится с концепцией фиктивного брака. Это я с Лясей могу по-тихому это всё провернуть. Потому что она не заинтересована в этом браке так же, как и я. Но иллюзия полноценного брака должна быть.

– Всё равно!

– Не тупи! Или ты думаешь, на отдельной квартире мне сложнее будет с ней замутить, чем у тебя под носом?

Алла обиженно отворачивается к открытому окну. В пальцах мелькает длинная сигарета. Чувствую тошнотворный, но манящий запах дыма. Меня опять начинает сводить от ломки.

– Просил же! Не курить в комнате! И при мне не курить!

– Извини... – раздражённо бросает сигарету в окно.

– А там что – урна?! Там клумба!

– Да ты достал, Тим! Придут завтра и уберут всё.

– Я же сказал, что уволил всех, кроме еженедельного клининга.

– Надолго?

– Пока не выплачу кредит.

– И сколько нам обламываться?

– Не могу знать, – развожу руками. – Смотря, как пойдут дела в сезон. И, кстати, на карте твоей сильно упал лимит.

– Я заметила. Ладно... потерплю. Ради тебя.

Своим профессиональным кошачьим шагом показательно скользит в мою сторону. Обнимает за шею, прогибается... Привычно придерживаю за талию. Ах... Когда-то я кончал

просто от всего этого. Но внутренности оказались менее профессиональными, чем пластика.

Поднимается и рывком впивается мне в губы. Расслабляю свои, чтобы ответить на поцелуй, но...

– Твою мать! – уворачиваюсь.

– Что?!

– Ты на вкус как мокрая сигарета! Фу... Короче, чтобы тоже бросила курить.

– Да с чего вдруг!?

– Потому что меня обламывает.

– Не собираюсь я!

– Тогда держи свой рот подальше от меня.

– Ты же любишь целоваться! – зло прищуривается.

– Любил...

Бесит!

Телефон звонит. Доставка для Ляси. Выхожу встречать. Машинально поднимаю глаза на окно Маруси. Мельком вижу Ляйсан в окне. Моё тело реагирует, напрягаясь под её взглядом. Пульс ускоряется...

Забираю тёплые термокоробки. На кухне всё распаковываю. Перекладываю в мелажницу суши, творожную запеканку с персиками и запечённые дольки яблок. Надеюсь, ты это ешь... Добавляю стакан сливового сока.

Она очень старалась сегодня превратить остывшее блюдо в съедобное и аппетитное. И мне хочется тоже порадовать её в ответ. Да и просто хочется ещё немного пообщаться.

Но Алла то ли случайно, то ли намеренно тоже приходит на кухню, включает кофеварку.

Не готов я ко второй серии. А Ляся и подавно. Забираю со стола блюдо. Отнесу ей.

– Теперь ты ещё и официант, Гаранин? Супер!

– Следи за базаром... – рычу я.

– Каждый день ей будешь ужин приносить?

– Каждый день, пока ты не прекратишь свои нападки.

Чувствую спиной взгляд бесящейся Алла. А вот нехрен. Веди себя адекватно.

Поднимаюсь по лестнице и снова утекаю от предвкушения. Перекладываю поднос на ладонь. Стучу.

– Можно?...

Приоткрываю дверь, Ляйсан растерянно встаёт с высокого подоконника. Распахивает свои огромные глаза от удивления.

– Твой ужин привезли.

– Мне?! – шокированно переводит глаза с меня на блюдо.

– В чём проблема? – вопросительно дёргаю бровью.

– Ну что Вы... не нужно было. Я бы спустилась. Зачем?...

Мужчина не должен...

– Я сам решаю, что кому должен.

– Оо... простите, – закрывает лицо руками. – Поучать взялась. Глупая...

Признание неправоты уже признак ума. А умная, пусть и фиктивная жена – это хорошая новость.

Оглядываю комнату. Тут и присесть толком негде.

– Помоги-ка...

Вручаю ей в руки поднос. Вытаскиваю низкий круглый столик в центр на мягкий ковёр. Водружаю поднос. Кидаю две напольные подушки.

– Так удобно будет?

Кивает.

– Садись.

Расправив подол платья, садится на колени на подушку. И я сажусь напротив. Настороженно смотрит на меня, не касаясь еды. Что происходит?

– Я опять нарушил какие-то табу твоей культуры?

Опускает смущённо свой пушистый веер ресниц.

– Рассказывай, – устраиваюсь поудобнее.

– Мужчины... – отрицательно качает головой, – не сидят за столом с женщиной. Если они им не махрам.

– Почему?

– Только махрам. Родственники. Матери могут... Пожилые... Молодые девушки прислуживают. Кушают отдельно. После... – на мгновение поднимает взгляд.

– Отменяется такое правило. В моём доме женщины не прислуживают.

– Нельзя? – удивлённо.

– Можно, – пожимаю плечами. – Только если хочется сделать приятно. Ешь.

– При Вас?

– Тоже нельзя?

– Не знаю. Уединение с посторонним мужчиной – харам.

Строго сводит свои изящные соболиные брови.

– Я не совсем теперь посторонний.

– Простите... да.

– Поэтому расслабься и ешь.

Разглядывает чашу.

– Это... суши? Я читала... Япония.

– Не пробовала?

– Нет.

– Это хаси, – показываю ей палочки. – Вот так надо держать. Острое любишь? Васаби? Немножко. Попробуешь?

Несмело кивает. В глазах спрятано любопытство.

Зайка какая... Ухмыляясь, демонстрирую ей последовательность.

– Немного васаби, потом соевый... Открывай рот.

– А? – взлетают её брови.

– Открывай, – требовательнее повторяю я, облизывая губы и возбуждаясь от двузначности. Подношу к её нежным пухлым губкам ролл. – Открывай рот. Я тебя покормлю.

Мои веки тяжелеют, в своих фантазиях я совсем в других обстоятельствах говорю ей это...

– Мужчины у вас не кормят женщин?

– Только в первую брачную ночь... сладостями... – вспыхивает она.

– Ну, считай, у нас первая. И коль мы с тобой отказались

от её ммм... «сладких» вариаций, то придётся тебе отведать острого из моих рук.

Губы несмело размыкаются. Не моргая, обхватывает ролл, скользя губами по палочкам.

Вау...

Кровь бросается ей в лицо, глаза распахиваются ещё сильнее. Замирает.

– Остро?! Жуй! Рис погасит остроту.

Быстро жуёт, жалобно хныкая.

– Держи, – протягиваю сок, – запивай! Сейчас будет вкусно и хорошо.

Мда... Всё, как в первую брачную ночь!

«А ведь... я мог бы... пойти этой дорогой!» – проскальзывает крамольная мысль. Неудивительно! Её алеющие губы и скользящий по ним язычок выключают мою адекватность.

Выпивает половину стакана, на глазах проступают слёзы. Машет на лицо руками.

– Нужно поменьше васаби. Ты не ешь острое?

– Чуть-чуть можно... – допивает сок. – Много женщине – плохо.

– Почему?

– Острое разжигает похоть. Мужчине – можно. Женщине – стоит воздерживаться.

– Как интересно! Почему такое разделение?

– Мужчине похоть дана Аллахом, чтобы продлять свой род. А женщине не нужна похоть. Она просто не имеет права

отказывать мужу... – опускает взгляд, – в праве наслаждаться ею. А её похоть бессмысленна.

– Ммм... очень спорно! Я бы сие правило тоже отменил. Но тут как знаешь. Ещё?

– О, нет! – испуганно. – Я больше не смогу!

– Кушай запеканку тогда и яблочки. А я суши доем.

Макаю суши в соевый, засовываю себе в рот, кайфуя как фетишист от того, что мои губы соприкасаются с теми местами на палочках, которых касались её губы.

Опять шокированно не моргает.

– Дай угадаю, – смеюсь я, проглотив. – Нельзя есть из одной чашки?

Активно кивает, с ужасом глядя, как я подхватываю палочками очередную ролл.

Господи, да я бы тебя всю вылизал, детка, чего ты так ужаешься?

– Отменяем! А целоваться как? Или только еды касается? Чисто теоретически спрашиваю! – поднимаю обезоруживающе раскрытые ладони, улавливая её страх.

– Я не знаю... Мужчина сам определяет... степень своей чистоты. Шариат не запрещает... Если... ммм... чистая...

– Чистая?

– Оу... Нехорошо такое обсуждать. Можно, не буду?

– Можно.

Телефон в кармане трезвонит. Алла... Я засиделся?

Ну а что, мне с собственной женой поболтать нельзя? Раз

уж мы с ней так вляпались. К тому же она единственная в этом доме меня пока не бесит. И голос у неё очень тёплый и умиротворяющий. Практически терапия всех моих неврозов. Я же не домогаюсь её в конце концов. Просто беседуем.

Опухшие от васаби губы обхватывают десертную вилку с яблоком и скользят...

Ох, неспроста ваши мужчины отдельно едят! И вовсе не из соображений чистоты и прочей ахинеи! Как тут есть? Когда вся кровь в нижнее полушарие отливает. Надо валить отсюда, пока я не...

«Алла!» – напоминаю я себе. Вот там можно брать всё, что вздумается. А здесь нельзя...

Встаю, оставляя её за столом, достаю из шкафа пару подушек, одеяло и постельное.

– Справишься? Я пойду... Ночь уже.

– Поднос на кухню можно отнести? – отодвигает пустую чашку.

– Да я сам. Спокойной ночи.

– Спасибо...

Внизу лестницы Алла!

– Тридцать минут!

– Ай... – с досадой дёргаюсь я. – Хватит! Пойдём спать.

– А что спать-то? Удовлетворился уже, что ли?

– Идиотка... – закатываю я глаза. – Реально бесишь! Тор-мози!

– Или что? Опять вещи собирать?? – с обидой.

Ррр... Дайте сигарету. А лучше три!

Проходя мимо неё, вырываю из руки пачку. На кухне смотрю на неё, понимая, что сейчас сорвусь!

Нет. Сказал – бросаю. И точка.

Сминаю пачку, вышвыриваю в мусорку.

И лучше сейчас никому меня не бесить!

Глава 11

Первая брачная ночь (Ляйсан)

С сомнением смотрю на лестницу кровати. Не хочу туда лезть. Там же жарко! А пульта от кондиционера нет. Да и дома у нас спят по-другому: подиум, обитый ковровой тканью, тонкий матрас и подушки.

Стягиваю сверху два сложенных стопкой одеяла. Одно – потолще – складываю пополам и стелю на пушистый ковёр вместо матраса. Вот так будет хорошо! Быстренько обустроиваю себе импровизированную кровать.

Платяной шкаф пуст, и я развешиваю там своё платье и костюм для университета.

Внутри всё ещё тревожно стучит. И я так не усну. Поэтому не тороплюсь ложиться.

В телефоне новая симкарта. Вбит только номер Тимура. И теперь у меня нет даже маминого номера. Захожу в свой мессенджер, меняю номер телефона в аккаунте на новый. Вот... Часть моих малочисленных контактов восстановлена. Мамин номер. Она тоже рассержена на меня... Но я знаю, что переживает. Поэтому пишу ей короткое сообщение, что со мной всё хорошо, и муж меня не обижает, и это мой новый номер.

Прочитано.

Не ответила.

Может, отец запретил. Не знаю... Что обижаться, если я сама во всём виновата? Я не обижаюсь. Пока что всё хорошо. Гораздо лучше, чем если бы отправили на родину. Уж лучше я буду терпеть эту Аллу! А Тимур... Буду стараться ему угодить во всём. И думаю, он не станет плохо ко мне относиться. Вспыльчивый, иноверец, но не злой.

Всё успокоилось, я одна, и в голову опять лезет погубивший меня образ. Машинально захожу в аккаунт Антона. Любуюсь на его фото. Красивый... Красивый мужчина – плохо. Всегда грязная постель. Достойный – лучше. К красоте через год привыкнешь и перестанешь замечать. А жить всю жизнь. Красивый – недостаток. Но попробуй это объяснить моему глупому сердцу!

Заблокирован. Отец заблокировал. Мой палец крутится на иконке «разблокировать». Нет, не потому, что я на что-то ещё надеюсь. А потому что нам вместе сдавать проект. И я свою часть сделала, пока искала, чем отвлечься в ожидании приговора. А сделал ли он, не знаю.

Снимаю блокировку. Но ничего не пишу. Ночь...

Тимур просил расписание. Пересылаю ему сообщение с расписанием, отправленное мне когда-то старостой.

Забираю полотенце, что дал Тимур, и иду в душ. Волосы собираю наверх, чтобы не замочить. Сегодня с утра только вымыла. Да и необходимых средств для укладки нет. Нужно попросить Тимура. Я же теперь его харем. Он должен забо-

титься об этом.

Смываю с себя этот бесконечный страшный день под струями прохладной воды. И расслабляюсь с пониманием того, как мне всё-таки повезло. Что будет потом – не знаю. И буду ли я рада своему положению завтра – не знаю. Но сегодня всё хорошо. У меня есть мгновение на радость.

Оборачиваюсь полотенцем, заворачивая потуже на груди. И выхожу. Встряхнув головой, позволяю волосам рассыпаться по плечам и свободно упасть. Надо заплести перед сном. Отыскиваю выключатель от бра в виде месяца. Гашу большой свет, оставляя только ночник. Слышу шум шагов за дверью. Панически сжимаю на груди пытающееся свалиться с меня полотенце. Я же голая! Оглядываюсь, ища взглядом, чем прикрыться. Не успею! И только решаю забежать обратно в ванную, как дверь открывается.

– Марусь?...

Мужчина... Не Тимур!

Кровь бьёт в голову, я шокированно замираю, ослепнув от стыда.

– Вау...

Чувствую кожей взгляд. Липкий, масляный, ощупывающий каждый сантиметр моего голого тела, которое видно из-под полотенца.

– Надеюсь, это подарок? И ты просто перепутала комнату, да?

Не понимаю ни слова, в ушах шумит.

– Ну?... – ожидающе. – Поздравляй... Я весь в предвкушении!

В доме моего отца не пьют вина. Но пьяных людей я несколько раз видела. И этот мужчина нетрезв. Его речь смазанная и невнятная. И даже стоя в паре метров от него, я чувствую специфический запах.

«Если чужие мужчина и женщина остаются наедине, третьим будет шайтан», – так говорят у нас. А если мужчина ещё и пьян, то только женщина остаётся без защиты наедине с шайтаном. И я чувствую это сейчас очень остро! Словно я не с человеком...

Покачнувшись, упирается рукой в косяк.

– Как тебя зовут?

Онемев, не могу сказать ни слова. И не поднимая глаз, так и стою посреди комнаты.

Проходит, закрывая за собой дверь.

Стыд и страх как горячая густая волна поднимаются по моему телу вверх и взрываются в голове, дезориентируя. Дышать тяжело...

– Вау-вау-вау... – обходит он вокруг меня. – Так это свои?!

Чувствую, как касается моих волос. Ужас... Как мерзко! Делаю шаг в сторону, но прядь остаётся в его руке, скользя по раскрытой ладони.

Я опять опозорена... В этом доме нет защиты?!

– Эй... – смягчается его голос. – Ты в первый раз, что ли?

Чего такая? Или... Погоди... Так ты подарок или нет?

Не понимаю, о чём он! Меня опять трясёт, и нервы сдают. Всхлипнув, прикусываю губу. Плакать – плохо. Мужчины не любят, когда женщины плачут. Да и когда плачешь над судьбой – значит, не благодарна Богу. Может сделать ещё хуже. Наказать.

Делаю ещё пару шагов в сторону. На столике мой телефон. – Ты немая, что ли? Ты кто вообще?

Ложится спиной на стену, съезжает вниз на корточки. Не смущаясь, склоняет голову, пытаюсь заглянуть под моё и так короткое полотенце. Рефлекторно перекладываю одну ладонь вниз, прижимая его к бёдрам.

Ни один мужчина не смотрел на меня раздетую. И это гадкое, омерзительное ощущение! Как женщины ходят с обнажённым телом, я не представляю. Я словно вся в грязи... в его похоти... Фу...

Забежать бы в ванную, но там нет замка! И если он зайдёт следом...

Нервное перенапряжение достигает какого-то пика. Стыд, страх вдруг превращаются в злость. Кто ему дал право над девушкой так издеваться? Я же замужем!

– Уходите! – поднимаю я всё ещё ослеплённые глаза. Не могу разглядеть его лица от всполохов в них.

– Не подарок... – вздыхает он с сожалением. – Жаль... В этом доме подарков не дождёшься. Ну тогда давай знакомиться. Я – Ренат, – самодовольно разводит руками. – А ты?

...

Подхватываю со стола телефон. Нервно ищу номер Тимура, беззвучно хныкая от ощущения обнажённости и незащитности. У кого же ещё теперь просить защиты?

– Да? – рывкает он – сонно, зло и недовольно.

Испуганно сбрасываю вызов, теряясь окончательно. Как себя вести? Что делать? Нет никакой защиты! От обиды слёзы льются ручьём. Как затравленное животное смотрю на этого мужчину.

Этот... Ренат – вспоминаю его имя – пьяно и озабоченно смотрит на меня.

– Эй, детка... ты плачешь, что ли? – удивлённо поднимает брови.

Мне хочется разрыдаться в голос от этого вопроса. Но я только судорожно дышу, пытаюсь сглотнуть ком в горле. Мне даже не спрятать своего лица в ладонях. Как только отпущу полотенце, оно тут же свалится.

Быстрые шаги по лестнице.

– Ренат! – грозный голос Тимура.

Зажмуриваюсь.

Дверь отлетает в сторону.

– А ну-ка, нахрен отсюда!!

И в первую секунду мне кажется, что это мне! Вжимаю голову в плечи. Опять сама виновата?!

– С днём рождения меня, да, брат? – зло и с сарказмом выдаёт Ренат.

– Вышел!!

– Я уж думал, это мой подарок перепутал двери, но видно ты не озаботился подарком.

– Я тебе нос сейчас сломаю, – в его голосе лёд.

– Эх!

Чувствую прикосновение к моим волосам, отстраняюсь.

– А я уже влюбился...

Слышу, как разъярённо рычит Тимур. Ренат проходит мимо меня к двери.

– Это хоть кто? – пренебрежительно, словно провоцируя Тимура.

– Моя жена.

– Да ладно? – с усмешкой. – Дашь поносить?

Вспышка ярости ощущается даже на расстоянии. Распахиваю глаза и вижу, как Тимур за грудки вытаскивает этого Рената за дверь и с треском её захлопывает. За дверью ругань.

Оседаю на колени на своё одеяло, прячу лицо в ладонях и начинаю рыдать.

Через пару минут заходит Тимур. Но я уже не могу остановиться. Напряжение последних дней вылилось в истерику. Полотенце съезжает, я нелепо ловлю края под физически ощутимым взглядом Тимура.

– Лясь... – срывается его голос.

Оказывается рядом, укутывая меня в одеяло. Его руки и прикосновения скорее грубоватые, чем ласковые. И его ко-

лотит от эмоций.

– Трогал тебя?!

Испуганно качаю головой.

– Мой косяк. Извини. Всё. Не надо плакать! Он думал, что приехала Маруся. Свет горел...

Пытается успокоить, но я чувствую, как его распирает от ярости. Обняв подушку, стараюсь погасить в ней рыдания.

– Хватит, я сказал! – рычит он тихо. – Хватит! Что, твою мать, за день?! Ну всё, Лясь... Это... брат мой, – со злостью. – Завтра я с ним поговорю. Такого больше не будет. Или вылетит отсюда к чёрту!

Силой укладывает меня.

– Спи.

Ладонь проходится по моей спине. Она обжигает даже сквозь тонкое одеяло. Поправляет волосы, убирая с лица.

– Я не хочу здесь... – вылетает у меня сквозь рыдания, как у ребёнка, который не понимает, что ничего уже не изменить.

– Быстро успокоилась. Ничего смертельного не произошло.

– Мне страшно... – признаюсь я.

– Я здесь буду.

Ложится рядом на спину на ковёр.

– Во сколько тебе на учёбу?

– К девяти, – заплаканно заикаюсь я.

Смотрит на часы.

– Два уже. Засыпай... – снижает голос. – Завтра – обещаю – вместе выберем мебель для твоей комнаты, и я поставлю там замок, чтобы никто не мог зайти.

Дальше мы лежим в тишине. И хоть рядом мужчина... Абсолютно чужой мужчина! Мне становится спокойнее. Слёзы высыхают.

Встречаемся взглядами.

– Перенервничал тоже в этом дурдоме... Не могу уснуть, – шёпотом. – Голова раскаляется...

Судорожно вздыхаю.

– Но я никуда не уйду, не бойся.

Мне очень страшно, что уйдёт, как только я засну. И вернётся тот, пьяный, его брат. Но от усталости веки мои слипаются. Уже отключаясь, рефлекторно дотягиваюсь до его руки и по-детски сжимаю его указательный и средний пальцы, надеясь, что он спит. А если проснётся, то и я проснусь и не останусь тут спать раздетая и совсем беззащитная. Он же муж... Это не харам... можно касаться. Сжимаю ещё крепче и отключаюсь, ощущая, как его большой палец едва ощутимо скользит по моей ладони.

Глава 12

Дичь (Тимур)

Просыпаюсь от ощущения затёкшей спины. Отвык спать на твёрдом. На улице рассвет. Подтягиваю одну из подушек, медленно поворачиваюсь набок, чтобы её пальцы не соскользнули с моей ладони. Накрываю их второй рукой.

Ляйсан...

Одеяло соскользнуло, оголяя точёное плечо и ключицу. Идеально гладкая персиковая кожа как бархат... манит прикасаться! Хочется незаметно стянуть одеяло ещё ниже. Не потому, что мне так уж хочется полюбоваться голой женщиной, нет. Этого у меня достаточно. Просто она такая красивая, юная, чистая... что мне хочется получить её образ целиком. И скорее даже не в эротическом смысле, а в эстетическом.

Но я же не подросток, чтобы позволять себе такие шалости. Да и Ляся не обычная девчонка, чтобы залепить за такое пощёчину и забыть.

Напугалась вчера...

Поправляю упавшую на лицо прядь волос. Девочка...

И вместо того, чтобы стягивать, я, наоборот, натягиваю одеяло чуть выше, закрывая плечо. Ложусь опять на спину.

Кому-то достанется потом настоящий бесценный пода-

рок. Мне ревниво от этой мысли. А с какой стати? Что ей теперь, монашкой умереть из-за этого брака?

Нет, конечно. Когда-нибудь потом, когда она освоится в моём мире...

Морщусь от неприятной мысли, что кто-то будет прикасаться к ней, считать своей, лишит невинности... Рано ей ещё это всё!

И вообще, как можно такую девочку отдать левому мужику? О чём думали её родители? А если бы это оказался не я? Это же полный звездац! Она как бабочка. Смахнул пыльцу прикосновением – и всё... убита.

Но, несмотря на отсутствие всяких похабных помыслов в отношении Ляси, моё тело, поддаваясь утренней физиологии и реагируя на её запах и уязвимость, начинает сходить с ума. Мышцы тянет... Бросаю на неё ещё один взгляд. Невозможно не реагировать!! Я же не робот.

Мучительно морщусь, пытаюсь отвлечься. Можно спуститься вниз к Алле и расслабиться. Но Алла после парочки Самбук, выпитых на ночь для успокоения нервов после очередного нашего скандала насчёт Ляси, будет спать до обеда. Она и так-то не встанёт раньше десяти.

И мне вдруг становится неприятна эта её леность. И я не хочу возвращаться в нашу кровать. Даже за тем, чтобы скинуть напряжение.

Опять зависаю взглядом на Ляйсан. Одну вольность я себе всё-таки позволю. Она мне снилась и извела, требуя во-

плотения. Прикасаюсь губами к маленькой тёплой ладошке
и оставляю поцелуй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.